

УДК 159.923.2:001.32

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-38-50

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ*Логинова Наталья Анатольевна**Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)*

Профессиональные историки психологии не часто изучают биографии как таковые, предпочитая ограничиваться вводным биографическим очерком, и больше сосредоточиваются на анализе научных произведений, доминирующих теорий и методологий в определенном исторический период. История идей представляется более важной, чем история человека науки. Однако полностью абстрагироваться от субъекта научного познания неправильно. От человека зависит судьба идей, их развитие и внедрение в общественное сознание и практику. В гуманитарных науках человеческое измерение научного познания особенно отчетливо выражено. Здесь научные теории, конкретные исследования столь личностны, что сближают науку с искусством. Биографические исследования жизни и деятельности, таланта и характера ученого имеют свое законное место в науковедении, а также в историко-психологической науке. Эти исследования стремятся стать психобиографическими, обращаются к психологии субъекта научного познания. Предметом нашего исследования являлась творческая индивидуальность и жизненный путь лидера Петербургской научной школы советского периода Б.Г. Ананьева. Его деятельность зависела от конкретных социально-исторических ситуаций, запросов общества и государства, но тем не менее была осуществлена вопреки историческим препятствиям. Жизнь и научная деятельность ученого были внутренне мотивированы. Биография показала значимость возраста ученого как фактора творчества и социального, гражданского поведения. С этой точки зрения можно увидеть такие качества личности, как энергия старта в юности, увлеченность и изменение отношения к времени жизни в связи с возрастными и индивидуальными особенностями. В конце жизни Б.Г. Ананьев вопреки физическим недугам ускорял темп деятельности, стремясь успеть достичь заветных целей в научном познании. Во многом это ему удалось. Со временем масштаб его вклада в психологию становится все явнее. Перспективность идей и исследований ученого подтверждается и в XXI в.

Ключевые слова: Б.Г. Ананьев, три измерения научного развития, психобиография ученого, биографическая психология, особенности психобиографического исследования.

BIOGRAPHICAL STUDIES IN THE HISTORY OF PSYCHOLOGY*Natalia A. Loginova**Saint Petersburg State University (Saint Petersburg)*

It is not often that professional historians of psychology study biographies as they prefer to limit themselves to an introductory biographical sketch and focus more on the analysis of scientific works, dominant theories, and methodologies of a particular historical period. The history of ideas seems to be more important than the history of man of science. However, it is wrong to completely disregard the personality of the person engaged in the process of scientific cognition. The destiny of ideas, their development and implementation in public consciousness and practice depend on a person. In the humanities, the human dimension of scientific knowledge is particularly pronounced. Here, scientific theories, specific studies are so personal that they bring science closer to art. Biographical studies of the life and work, talent and character of a scientist have their rightful place in the science of science, as well as in the historico-psychological science. These studies tend to become psychobiographical, they deal with the psychology of the subject of scientific cognition. The subject of the study is the creative individuality and life path of

the leader of the St. Petersburg school of thought in the Soviet period, B.G. Ananiev. His work depended on specific socio-historical situations, the demands of society and the state, but was still performed in spite of historical obstacles. The life and scientific activity of the scientist were intrinsically motivated. The biography showed the importance of the scientist's age as a factor of creativity and social, civic behavior. From this point of view, one can see such personality traits as the energy of a start in youth, enthusiasm and a change in attitude to life time due to age and individual characteristics. At the last phase of his life, despite physical ailments, B.G. Ananiev intensified his work trying to achieve his cherished goals in scientific knowledge. To a large extent, he succeeded. Over time, his contribution to psychology becomes more and more obvious. The prospects of the scientist's ideas and research are confirmed in the 21st century.

Keywords: B.G. Ananiev, three dimensions of scientific development, psychobiography of a scientist, biographical psychology, features of psychobiographical research.

Интерес к жизни замечательных людей непреходящ в течение сотен и даже тысяч лет. Однако *научное* изучение биографий в историко-психологической науке сравнительно молодое явление — детище XX в. По М.Г. Ярошевскому, есть три аспекта, или три измерения научного развития: предметно-логический, социально-исторический и личностно-биографический [Ярошевский М.Г., 1973]. Отсюда следует, что личность ученого и его жизненный путь — полноправный предмет изучения в области истории науки.

Среди методов историко-психологической науки и в целом науковедения наряду с другими есть и биографический в разных своих вариантах. Он, как правило, превращается в психобиографический, обращенный как к событиям жизненного пути, так и к психологии личности ученого, его творческой индивидуальности. В последнем случае специальное внимание уделяется психологическим особенностям и характеристикам психического развития изучаемого человека, его формированию в родительской семье, истории обучения и поиска своего пути в профессии, а также индивидуальным факторам и фазам развития¹. Психобиография ученого находится на стыке психологии личности, психологии развития, исторической психологии, философии, истории и других гуманитарных наук. Именно потому что исследуется психология индивидуального развития и индивидуальность в этой области, есть основание считать,

что наиболее успешны историки с фундаментальным психологическим образованием.

Становление биографической психологии связано с именами Николая Александровича Рыбникова, Сергея Леонидовича Рубинштейна, Бориса Герасимовича Ананьева в России и СССР, Шарлотты Бюлер (Ch. Buhler), Генри Мюррея (H. Murray), Гордона Олпорта (G. Allport), Вильяма Штерна (W. Stern) за рубежом. Пик в развитии психобиографии на Западе, да и у нас, отмечался в 1920–30-е гг., новое оживление интереса к таким исследованиям датируется 1960–70-ми гг. В настоящее время за рубежом в этом направлении активно работают У.М. Раньян (W.M. Runyan) [Runyan W.M., 1982], Д.П. Макадамс (D.P. McAdams) [Макадамс Д.П., 2008], А.К. Элмс (A.C. Elms) [Elms A.C., 1994], Р.И. Иванс (R.I. Evance). Среди психобиографических публикаций назову образцовую книгу канадского историка психологии Яна Николсона «Исследуя личность. Гордон Олпорт и наука о самости» [Nicholson I.A.M., 2003].

В наше время чаще стали появляться публикации российских психологов на биографические темы. Опыт биографических и психобиографических исследований Петербургской психологической школы еще раз убеждает в важном значении такой работы для понимания истории науки и творческой индивидуальности ученого.

Функции психобиографического исследования

Первая функция, конечно, *исследовательская*. При этом описывается и анализируется процесс формирования концептуальной системы, исследовательских программ и личности ученого. Понимание идей, концепции и теории расши-

¹ Пионерами психобиографии были представители психоанализа, но в современной науке психобиография вышла за рамки одного течения. Исследователи разных направлений, а не только психоаналитики, проводят психобиографические исследования, ориентируясь на критерии научного познания.

ряется путем включения предметного содержания его деятельности в биографический и социально-исторический контекст. Устанавливается научная родословная выдающегося человека, так сказать, генеалогическое древо или хотя бы ближайшие идейные предтечи, а также учителя, значимые другие, круг сотрудников и ближайших учеников, последователей, критиков.

Вторая, *прагматическая* функция, состоит в том, что через биографию можно влиять на современное развитие идей и дел ученого прошлого, продвигать их в профессиональном сообществе, а также в массы читателей. Ярко, психологически умно написанная биография пробуждает интерес к выдающейся личности, к изучению ее трудов и, наконец, утверждению на научном Олимпе. Примером такого успешного продвижения является активная, не побоюсь этого слова, *пропаганда* учениками, родственниками, последователями и поклонниками Льва Семеновича Выготского. Драматичная судьба, благородство личности, широта научных интересов и глубина его идей определяют интерес и к его биографии.

В результате целенаправленной работы его последователей и особенно А.Р. Лурии, казалось, забытый ученый, Л.С. Выготский через десятки лет после смерти стал знаменитым на весь мир, заслуженно вошел в высший состав мировой психологии и гуманитарных наук. Его имя и его культурно-историческая теория психического развития представлены в современных психологических и гуманитарных дискурсах, включены в учебники, издаваемые у нас и за рубежом².

Вторым подобным примером стала биографическая работа учеников Сергея Леонидовича Рубинштейна К.А. Абульхановой-Славской и А.В. Брушлинского [Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В., 1989]. Они первыми начали изучение личного архива Рубинштейна, опубликовали его незавершенную кни-

гу «Человек и мир», которая приобрела огромную популярность и высокий авторитет среди всех российских гуманитариев и психологов и вышла в мировое научное пространство. Благодаря К.А. Абульхановой³, а позже и ее дочери А.Н. Славской изданы биографические статьи и книги, а также ранее неизвестные фрагменты рукописей, дневников, неоднократно переизданы произведения С.Л. Рубинштейна.

Третья функция биографического исследования — *воспитательная*. Устные и печатные публикации науковедов-биографов нужны, кроме всего прочего, для воспитания научной смены, формирования профессионального самосознания молодых психологов и студентов. На примере жизни и деятельности ученых студенты глубже, нагляднее понимают, что человек — существо историческое и биографическое. Общественная значимость науки и поэзия научного труда раскрываются перед молодежью, если удастся показать ее связь с сущностью человека вообще. Действительно, занятия наукой максимально соответствуют коренной человеческой потребности в познании. Поэтому именно в личности настоящего ученого она выражена особенно сильно. По своему педагогическому опыту мы знаем, как живо откликаются студенты на яркий биографический факт, как интересен им психологический портрет ученого. Теория становится более уважаемой и увлекательной, если она, помимо прочего, представлена как плод трудной, но по-особому счастливой жизни человека науки.

Влияние научных идей, теорий, прикладных знаний отражается в появлении новых технологий, технических изобретений, материальных ценностей, новых теорий. История психологии, как и в целом гуманитарная наука, опосредованно влияет на производство нового знания в любой психологической дисциплине и смежных науках. Результаты историко-психологических исследований в популярном изложении воздействуют на общественное сознание, формируют серьезное отношение к практическим рекомен-

² Автобиографии тоже играют определенную роль в пропаганде ученым своей теории и своего научного вклада. Из российских психологов автобиографические книги и брошюры публиковали В.М. Бехтерев [Бехтерев В.М., 1928], А.Р. Лурия [Лурия А.Р., 1982], К.К. Платонов [Платонов К.К., 2005]. Воспоминания о своей жизни с рассказами о «значимых других» встречаются в сборниках избранных работ у многих других пожилых авторов.

³ В круг рубинштейноведов включилась дочь К.А. Абульхановой А.Н. Славская. Ее книга — редкий и удачный пример нарождающегося в нашей науке жанра историко-психологического исследования, посвященного истории создания книги и в целом теории великого ученого [Славская А.Н., 2015].

дациям и практикам психологов. Историко-психологические и биографические знания возбуждают у людей потребность в самопознании и дают для этого соответствующие инструменты анализа и синтеза.

Кто может выполнить задачу создания научной биографии? Это дело под силу хорошему писателю или журналисту, специализирующемуся в научно-популярном жанре. Таковыми авторами в российской-советской литературе были, например, писатель Д.А. Гранин и журналист Я.К. Голованова. Если же речь идет о научной биографии, то успешными здесь будут, скорее всего, те, кто хорошо знает научную область, в которой работал выдающийся ученый, — предмет биографического исследования. О физиках лучше писать физикам, о биологах — биологам, о психологах — психологам. Особенно это важно для оценки результатов исследований, открытий ученого, что требует достаточно большой эрудиции в области истории данной науки в целом, знаний основ этой науки.

Перед психологом-биографом встают следующие задачи:

- Обоснованный выбор персоны для биографического исследования. Историко-биографу надо решить для себя, кто из действовавших в науке людей достоин всестороннего обширного биографического исследования. Обычно ориентируются на значительность вклада конкретного ученого в ту или иную научную дисциплину, меру его влияния на отечественную и мировую науку и, возможно, на все общество. Хорошо, если биограф имеет опыт личного общения с изучаемым человеком, симпатизирует ему и любит его творчество.
- Поиск и анализ автобиографических текстов — анкеты и жизнеописания из официального личного дела, личные и деловые письма, дневники, записные книжки. Представляют интерес и продукты побочных видов деятельности, например, коллекция марок, домашняя библиотека, художественные произведения ученого, семейные реликвии.

- Поиск забытых публикаций и/или неопубликованных произведений ученого. Это могут быть забытые и неизвестные в широких научных кругах статьи, тексты интервью, выступления в СМИ, неопубликованные стенограммы публичных выступлений, обращения в органы государственного управления, пометки на полях книг и т.д. В итоге появляется возможность и необходимость составить как можно более полную библиографию.

Кроме этого, надо:

- Собрать свидетельства современников. Причем не только последователей, сторонников и поклонников, но и противников или нейтрально настроенных очевидцев. Эта задача весьма щепетильная, так как приходится иметь дело с неприятными мнениями, а также ненадежными сведениями вследствие ошибок памяти. Все должно быть проверено при сопоставлении с другими источниками и общим контекстом жизни и характера личности ученого.
- Составить коллекцию фотографий и прочих изображений по теме.
- Сформировать выверенную хронику жизни изучаемого.
- Составить библиографию публикаций, посвященных данному ученому, его творческому наследию.
- Все это эмпирическое богатство надо обработать качественно и количественно, проанализировать, сопоставив сведения из разных биографических источников с историческим знанием об обществе и времени, в котором совершался жизненный путь человека.
- Наконец, решается ответственная задача — как можно объективнее оценить индивидуальность и жизненный путь ученого, его вклад и место в истории науки, перспективность теории, исследовательских программ и отдельных идей.

Для оценки применяют разные критерии: авторитетные мнения других ученых, степень известности изучаемого деятеля, рейтинги цитирования, множество регалий и высоких по-

стов⁴. Но все это — формальные и не главные опоры для оценивания. Гораздо важнее судить по содержательным критериям — значительности научной деятельности, общей творческой производительности, истинности и богатству идейного содержания творческого наследия человека. Важно то, что нового и полезного, актуального и перспективного внес в фонд науки ее деятель, насколько он опередил время, повлиял на ход науки. По критерию, предложенному М.Г. Ярошевским, мы даем оценку в зависимости от того, произвел ли изучаемый автор «категориальный сдвиг», т.е. в какой степени обогатил и/или изменил трактовку фундаментальных понятий психологии, если речь идет о психологах.

Итак, мы получаем промежуточные результаты эмпирического этапа биографического исследования в виде перечня основных событий и обстоятельств жизни в хронологическом порядке на фоне исторической эпохи. На упорядоченной эмпирической основе следует написать целостную биографию, включая реконструированную и осмысленную исследователем-биографом концептуальную систему ученого. Биография должна также дать представление о психологическом облике ученого, особенностях становления его таланта, творческой индивидуальности. Предметно-логические, исторические и психологические итоги эмпирической части исследования, обобщенные в целостной биографии ученого, являются продуктом высшего уровня в психобиографическом исследовании.

Известно несколько жанров биографических публикаций: научная, хроникально-документальная, научно-популярная, сближающаяся с художественной, и художественная, допускающая в определенной степени вольные домыслы. Богатая событиями история психологии побуждает историка осмысливать судьбу нашей науки в разных планах, включая психобиографический. Сегодня наблюдается бум научно-

популярной и художественной биографической литературы, на нее большой читательский спрос.

В российской психологической литературе накапливаются научные биографии. Довольно подробно и глубоко изучен жизненный путь Л.С. Выготского. О нем мы находим немало публикаций на русском, английском и других языках. Уникальна биографическая книга дочери Льва Семеновича Гиты Львовны [Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М., 1996], за рубежом о Выготском много пишет Майкл Коул (М. Cole).

Предметом специальной биографической монографии о психологах стали такие ученые, как А.Н. Леонтьев [Леонтьев А.А. и др., 2005], тифлопсихолог А.А. Крогиус [Маслов К.С., 2014]⁵. Современные психологи еще не создали сколь-нибудь полной научной биографии В.М. Бехтерева. Правда, есть небольшие брошюры [Мясищев В.Н., 1953, 1956]. О яркой жизни и личности Бехтерева написаны биографии в научно-популярном жанре. Жаль, что отечественные профессиональные историки психологии еще не стали авторами книг для серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ), что было бы важно для просвещения читателей, особенно молодых.

К столетию Бориса Герасимовича Ананьева вышла первая биографическая книга, полностью ему посвященная. В работе над ней была поставлена цель — представить творческую индивидуальность и научную деятельность этого выдающегося ученого на основе разнородного биографического материала. Соответственно ей в этой книге появились биографический, мемуарный и архивный разделы, содержащие новые личные документы о Б.Г. Ананьеве и его времени [Логинова Н.А., 2006]. Эта монография, несомненно, нуждается в дополнении новыми материалами, уточнениях, исправлениях и идейном развитии, что ставит передо мной задачу подготовки второго издания.

Исходя из представления о трехмерности научного развития, в биографии сочетают факты и интерпретации всех трех измерений. Соответственно, в структуре опубликованных

⁴ Если идеи выдающегося человека опережали время, то его прижизненная известность не может быть высокой, пока до них не дорастут другие. В истории есть случаи, когда признание научной правоты гения приходило спустя десятилетия и даже столетия после его смерти. Он становился мировой знаменитостью, привлекающей всеобщий интерес.

⁵ К.С. Маслов в своей книге делает большие отступления, рассказывая о А.Ф. Лазурском, П.Ф. Лесгафте, С.Л. Франке, чьи истории жизни пересекались или соприкасались с жизнью А.А. Крогиуса.

научных биографий можно выделить *три тематические линии*. Личная: предки, семья родителей, собственная семья, годы учения, начало научной деятельности и ее содержание, учителя, круг общения, «значимые другие», значимые для понимания индивидуальности человека художественные, исторические и другие впечатления. Фазы развития личности на жизненном пути и генетические переходы (плавные или кризисы).

Самая главная линия — это *творчество ученого* в течение жизни: первые исследования и первые публикации, дальнейшие исследования и их лейтмотив, становление собственных теоретических взглядов, концепций, целостной концептуальной системы. Обязательно творчество соотносится с характером и состоянием науки в целом, психологической науки и смежных с ней, уровнем развития методов и методологии, понятийного аппарата, категориального строя, методологического профиля научных школ, научных приоритетов и трендов в отечественной и мировой психологии изучаемого исторического периода.

Третья линия биографии — *влияние ученого на социум*: влияние героя на развитие науки, организаторская, общественная и гражданская деятельность, непосредственное общение с сотрудниками, студентами, друзьями, стиль руководства, педагогическая деятельность.

Герой моего исследования Борис Герасимович Ананьев опередил время. Его идеи и теорию не совсем понимали даже близкие ученики⁶. Поэтому, а также и по социально-историческим причинам его не знали и почти не замечали в мировой психологии. Его главные статьи и книги редко издавали за рубежом, за исключением бывших социалистических стран, современного Китая и Японии. Да и на родине он не был так известен, как его московские коллеги из МГУ им. М.В. Ломоносова и Психологического института РАО. В СССР его книги публиковались малыми тиражами и не переиздавались при жизни.

При этом Б.Г. Ананьева уважали и, более того, относились к нему с пиететом. Каждое проявление его творчества и социальной активности не оставалось незамеченным современниками. Он ярко и убедительно выступал с новыми предложениями и критикой на сессиях Академии педагогических наук (ныне — РАО), подавал инициативы в правительство и в другие руководящие инстанции. Особенно уважаем был в среде интеллигенции Ленинграда. К нему шли за советом не только психологи, но и представители смежных и отдаленных областей науки и практики. Ученики Ананьева помнят и чтят его, и чем дальше, тем больше, заново открывая его идеи и его исследования.

Особенности изучения творчества Б.Г. Ананьева, его жизненного пути и личности обусловлены характером этого человека. Борис Герасимович не прибегал к саморекламе, почти не писал и не рассказывал о себе, не вел дневников, разве что в ранней юности, предполагаю, но об этом нет данных. Его семейная среда была мало доступна для посторонних. Борис Герасимович открывал свой внутренний мир только жене Ольге Евгеньевне Короли. Она была его «достойным собеседником», как сказал бы А.А. Ухтомский. Ольга Евгеньевна сама была незаурядным человеком. Ее одаренность проявилась и не только в профессии — теоретической механике. Она хорошо знала семь языков, художественную литературу, искусство, тонко чувствовала людей и ситуации разного рода. Ее поведение выражало благородство, истинную доброту и социальную зрелость. Богатство ее личности, безграничная любовь и преданность мужу способствовали тому, что жена стала мощным фактором в судьбе Ананьева, в развитии его индивидуальности.

Источники биографического исследования

Свидетельства современников о жизни большого ученого. В моем домашнем архиве хранится немало, более пятидесяти свидетельств об Ананьеве и его деятельности, полученных от соучастников и наблюдателей его деятельности и руководимого им коллектива, психологов из других научных коллективов и научных школ.

Сюда надо прибавить опубликованные источники. Это воспоминания А.А. Бодалева, А.Г. Ковалева, А.А. Люблинской, К.К. Плато-

⁶ По свидетельству его ближайшей сотрудницы Н.А. Грищенко-Розе, он сказал как-то: «Вы поймете меня, может быть, лет через пятнадцать». Эти слова относились не только к ней, а ко всем его сотрудникам и научным читателям.

нова, А.Ц. Пуни и др. Бесценные воспоминания оставила вдова Бориса Герасимовича Ольга Евгеньевна Короли и дочь Наталия Борисовна Ананьева. К ним примыкают аналитические статьи о его теории Л.И. Анцыферовой, Л.А. Головей, И.А. Джидарьян, А.Л. Журавлева, В.А. Кольцовой, И.А. Мироненко, Ю.Н. Олейника, В.Н. Панферова, К.А. Абульхановой и других психологов. К тому же найдется немало высказываний о Борисе Герасимовиче, сделанных в процессе разнообразных научных обсуждений, например, проводимых на факультете психологии СПбГУ в рамках ежегодной конференции «Ананьевские чтения» и многих других научных мероприятий.

Особенность собранных мной мемуарных материалов — в их свободной форме. Хотя были составлены опросники для сбора воспоминаний, далеко не все респонденты строго отвечали по плану. Они увлекались, ассоциативно вспоминали много вроде бы постороннего, мелкого, но и в этом было немало информации для понимания духа времени, атмосферы ближней среды, личности и стиля Бориса Герасимовича и самого рассказчика⁷. Вмешательства биографа не препятствовали спонтанности устных высказываний, но неуклонно возвращали респондента к основным биографическим вопросам. Эта манера опроса свойственна биографическому интервью как особому методу при идиографическом типе исследования.

Были и пространственные письменные ответы на биографический опросник. Но трудно было ожидать такого развернутого ответа-изложения от Б.Ф. Ломова, В.С. Мерлина, Е.В. Шороховой — они были очень заняты руководством научными коллективами. Удалось получить рассказы о жизни, отношениях, деятельности, стиле руководства Б.Г. Ананьева от близких его сотрудников — М.Д. Дворяшиной, В.Н. Куницыной, Н.А. Грищенко-Розе, К.Д. Шафранской и других членов его лаборатории и факультета. Замечательные выступления с устными воспоминаниями о Борисе Герасимовиче как ученом и человеке, о его участии в личных судьбах

учеников мы слышали от А.А. Бодалева, Л.М. Веккера, Е.С. Кузьмина, Н.В. Кузьминой, Е.В. Шороховой. Далеко не все сохранилось в полной записи. Некоторые материалы есть в моем домашнем архиве и ряде печатных публикаций [Логинова Н.А., 2006; Обозов Н.Н., 2001; Степанова Е.И., 2003].

В свидетельствах встречаются подробности, характерные для исторической эпохи. В беседах были выявлены важные детали, много говорящие о трудностях, с которыми сталкивались руководитель и участники комплексных исследований 1960–70-х гг. Так, Мария Дмитриевна Дворяшина неожиданно вспомнила: «Была атмосфера подозрительности к комплексным исследованиям. Бориса Герасимовича вызывали в Большой дом⁸ за использование буржуазных тестов. Это было в 1961–1963 гг.» (Биографическое интервью. Запись моя. — *Н.Л.* 12.09.2006).

Такого рода ассоциативные свидетельства не только обогащают, оживляют картину прошлого, но и влияют на ход биографического исследования. Они заставляют искать более объективные источники, архивные документы, чтобы проверить или опровергнуть высказывание свидетеля. Историком необходимо терпимо и деликатно общаться и с теми, кто высказывает отрицательные характеристики человеку — предмету исследования. Такие мнения часто несправедливы, но по-своему интересны. Они дополняют знания о спектре межличностных отношений современников, социальной психологии научных коллективов.

Письма и другие личные документы как источники. Находка неизвестных ранее писем великих людей — это всегда настоящее открытие для истории. Письма Б.Г. Ананьева рассыпаны по не разведанным пока домашним архивам людей из его круга общения. В моем исследовании обнаружено лишь несколько его писем — И.М. Забелину, В.С. Мерлину, М.А. Мазманяну, Л.И. Марисовой, М.М. Муканову, Т.Т. Тажибаеву. Лучше обстоят дела с сохранностью и доступностью писем, адресованных Борису Герасимовичу. Сведения о корреспондентах, темах и содержании переписки дают материал о

⁷ Борис Герасимович в связи с темой моей аспирантской работы о биографическом методе сказал, что в мемуарной книге Ильи Эренбурга «Годы. Люди. Жизнь» из пестроты мелких деталей, как из кусочков смальты, складывается цельная мозаичная картина былого.

⁸ Большой дом — это народное название здания ленинградского КГБ.

широте интересов, круге научного и дружеского общения, отношениях к людям, острых организационных проблемах, с которыми сталкивался ученый.

Архивные разыскания незаменимы для биографического исследования. Все историки отмечают трудности работы из-за малой сохранности и труднодоступности письменных и прочих источников. Утеряна большая часть архива ананьевской лаборатории, не найдены киноматериалы о Б.Г. Ананьеве (предполагаю, что они были), магнитофонные записи его выступлений. Часто бывает так: владельцы умерли, наследники выбросили старые документы, записные книжки, письма магнитофонные пленки за ненадобностью, как им казалось. В настоящее время Интернет хранит столь большое количество всякой информации, что собрать и обработать релевантную информацию становится еще труднее.

О Б.Г. Ананьеве и его коллективе много текстовых документов хранится в архивах Санкт-Петербурга и Москвы. В течение ряда лет мною были найдены и прочитаны десятки релевантных документов, но многое еще не попало в поле зрения историков психологии. Архивные документы содержат объективный фактологический материал, с которым надо соотнести свидетельства и другие источники биографического характера. К сожалению, доступность к сохраненным архивным фондам оставляет желать лучшего. Описи нередко составлены с ошибками, и поэтому не все документы можно найти. Бехтеревский архив бывшего Психоневрологического НИИ им. В.М. Бехтерева практически недоступен для историков по банальной причине отсутствия штатного архивиста. Лучше обстоит дело с архивом Института мозга в петербургском филиале архива РАН. В сохранении архива Института мозга им. В.М. Бехтерева большая заслуга принадлежит Е.И. Степановой, которая еще в студенческие годы увлеклась творчеством В.М. Бехтерева. Тогда ей удалось описать и систематизировать часть архивных документов Института мозга. Это было в тот период, когда это учреждение упразднили (в 1948 г.), архив и многое из материальной базы передали вновь созданному Институту физиологии ВНД (Институт физиологии им. И.П. Павлова РАН) [Степанова Е.И., 2003].

Современные историки-биографы находят инструменты и опору для своих исследований в биографическом методе. Сложилась целая научная отрасль — *биографическая психология*, располагающаяся на границе с экзистенциальной, возрастной, социальной, исторической психологией, а также с исторической наукой и другими гуманитарными науками — философией, социологией, литературоведением, искусствоведением. В биографической психологии сложился собственный понятийный аппарат, соответствующий структуре жизненного пути в историческом пространстве и времени, активно развивается и обогащается его методическая оснащенность — биографические методики и процедуры [Абульханова-Славская К.А., 1991; Головаха Е.И., Кроник А.А., 1984; Кольцова В.А., 2008; Кольцова В.А., Холондович Е.Н., 2013; Коржова Е.Ю., 2015; Логинова Н.А., 2001, 2017]. К биографическим структурам и соответственно понятиям относятся жизненный путь, субъект жизни (жизнедеятельности, житнетворчества), субъективная картина жизни, события, обстоятельства места и времени, ситуации развития, круг общения, значимый другой, жизненный выбор и его структура. Приложение этих понятий и методик к биографии ученого пока специально не испытан. Но есть уверенность, что теоретические представления об уровнях активности субъекта жизни, масштабах деятельности личности в исторических обстоятельствах, соотношении случайного и необходимого в процессе жизни, а также о жизненной направленности, таланте, характере углубляют психобиографическое исследование и психологически служат объяснению жизненного пути, индивидуальности того или иного ученого.

Главный интерес для биографа — человек как субъект деятельности, производитель материальных и идеальных ценностей. Следуя теории Б.Г. Ананьева, в структуре субъекта мы видим интеграцию индивидуальных и личностных свойств, а высшим синтезом всех этих свойств является индивидуальность. Индивидуальность — это, с объективной стороны, полисистема всех свойств человека, а с другой, субъективной стороны, внутренний мир и «Я» (Self) [Ананьев Б.Г., 1968]. В биографии Ананьева ярко выражены закономерности жизненного пути не только этой личности, но человека вообще.

Представляя проблематику биографической психологии и биографического метода, мы попытались применить эти знания к изучению жизни и индивидуальности Бориса Герасимовича Ананьева. Соответственно понятиям биографической психологии в его структуре жизни выявлялись значимые события и обстоятельства личного, общенаучного и исторического масштаба, круг общения. В биографических беседах с современниками ученого выяснялись его взгляды и оценка идей и персонажей науки, художественные вкусы. Респонденты отмечали особенности его характера, стиля руководства и стиля общения в кругу коллег, студентов, друзей, в семье. Попутно вспоминали, казалось бы, ничтожные подробности, но и они тоже вписались в общую картину жизни героя. Например, Борис Федорович Ломов между прочим вспомнил, что Б.Г. Ананьев в 50-х гг. много курил — «прикуривал одну папиросу от другой». Эта подробность в совокупности с другими, более серьезными, характеризует Бориса Герасимовича как человека, которому не свойственна столь распространенная ныне забота о себе. Для него главным было дело, которому он отдавался всей душой, самозабвенно и самоотверженно. Такое отношение привело к тяжелому инфаркту, после которого пришлось изменить режим дня — не работать ночи напролет, совершать прогулки на свежем воздухе, бросить курить и даже почти отказаться от игры на фортепиано. Но и после периода длительной реабилитации он вновь перегружал себя работой, брал ответственность за факультет, лабораторию, за судьбу психологии в стране, внедрение ее достижений в общественную практику.

Привлечение биографической психологии и психологии развития позволило отчетливо осознать важность возрастного фактора. Соотнесение событий и обстоятельств жизни с хронологическим (количеством прожитых лет) и топологическим (фаза развития) возрастом ученого позволяет прийти к новым трактовкам некоторых моментов творческого пути. С точки зрения психологии развития и биографической психологии даты и «энергия старта» научной деятельности Б.Г. Ананьева сказываются на последующем его развитии. Первая публикация — брошюра «Современная Армения» [Ананьев Б.Г., Барсегов А., 1926] и первые эксперименты по восприятию музыки с использовани-

ем авторской методики — в 19 лет, первые научные доклады, в том числе во время преддипломной стажировки в лаборатории рефлексологии детства Института мозга (20 лет). Через год, став аспирантом, Борис Ананьев принял самое активное участие в методологических дискуссиях Института мозга (1929) и опубликовал значительные методологические статьи (возраст 21–22). Его способности ученого и оратора проявились в выступлениях с докладом от имени Института мозга и других выступлениях в весьма молодом возрасте на I Всесоюзном съезде по изучению поведения человека в Ленинграде (1930). Примечательно, что большая, программная статья «О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии» [Ананьев Б.Г., 1931], написанная в том возрасте, до сих пор вызывает интерес у психологов. Эти и другие факты молодости — доказательство высокой одаренности человека.

В пятом и шестом десятилетиях был взлет научной продуктивности жизни. Тогда появились принципиальные статьи Ананьева о человекознании, всевозрастной педагогике, педагогических приложениях психологии. И в поздние свои годы Б.Г. Ананьев сохранял высокую активность и креативность. Открыл новый феномен изменений температуры кожи висков под воздействием интеллектуальной нагрузки, поставил новые эксперименты, подтвердившие его идеи о психоэнергетике (работы Г.И. Акинщиковой, Н.А. Логиновой, К.Д. Шафранской), психологии речи (Л.М. Дичковская), биографическом методе (Н.А. Логинова), написал выдающиеся работы, подводящие итоги жизни и устремленные в будущее [Ананьев Б.Г., 1977]. В эти годы после тяжелой болезни Борис Герасимович с особой остротой и бесстрашием осознавал кратковременность собственной жизни.

Существует и возрастной фактор поколенческой принадлежности личности. Этим объясняется разное отношение младших и старших к историческим событиям, политике государства. В СССР активная молодежь двадцатых годов приняла новь как время больших прогрессивных перемен и великих возможностей для всей страны, для каждого современника. Значительная, вероятно, большая часть активной молодежи осуществляла планы и начинания совет-

ской власти с энтузиазмом и верой в светлое будущее.

Вот и молодой Борис Ананьев был энтузиастом социалистической перестройки жизни. Свою созидательную энергию направил в науку. В 1932 г. руководил научной группой, двумя годами позже лабораторией психологии воспитания, написал свою первую монографию по психологии педагогической оценки в 1935. Ананьев выдвигал научные и общественные инициативы. Выполнял разные общественные поручения — проводил экскурсии в музеи Института мозга, был в числе организаторов Психоневрологического вечернего университета рабочей молодежи при Институте мозга.

При всей своей общественной активности Борис Герасимович не был комсомольцем и членом коммунистической партии. Мотивы и обстоятельства его беспартийности не изучены. Об этом факте получены только субъективные мнения его современников, высказанные в беседах с биографом.

Обработка и интерпретация эмпирического материала

Разнообразные психобиографические материалы обрабатываются количественными, графическими и качественными, описательными, методами. В нашем исследовании были использованы преимущественно качественные методы обработки. Работа с письмами из домашнего архива Ананьева состояла в составлении хроники жизни, хронологии переписки, группировке по авторскому составу, соотнесении содержания писем с доминантой научной работы адресата в тот или иной период времени. Динамика переписки во времени соотносилась с общей картиной жизни ученого и характером исторического периода написания письма. Среди сохранившихся писем в архиве Б.Г. Ананьева находятся два письма Э. Боринга 1947 г. Почти в то же время были получены три письма от венгерского и нидерландского психолога Ч. Ревеша в 1948. После этого был перерыв переписки с границей до 1958 г. Эту «мертвую зону» нельзя объяснить иначе как историческими событиями и обстоятельствами в период позднего сталинизма и последующими после смерти Сталина положительными переменами так называемой «оттепели» [Loginova N.A., 2019].

В процессе обработки полезно выявить временную динамику публикационной активности, которую удобно представить в виде графика, где по абсциссе — время. Пики и спады трактовались в моем исследовании как периоды вынужденного молчания (скажем, по причине эвакуации в военное время) и закономерные периоды внутренней работы по решению назревших исследовательских вопросов, подготавливающие последующий подъем количества научных публикаций. Обращаем внимание на перемены в соотношении количества публикаций по той или иной тематике, что указывает на тематические доминанты в определенные периоды деятельности исследователя.

Интерпретация психобиографического материала многократна, она происходит на каждом этапе исследования историка-биографа, особенно после новых архивных находок и устных свидетельств о Б.Г. Ананьеве. Интерпретация многопланова — с точки зрения исторического контекста, соотношения научных традиций и новаций в процессах научной деятельности ученого, личностного, субъективного и объективного в отношениях с окружающими людьми, сотрудниками и учениками, соотношения субъектности и объектности в структуре жизненного пути в разные периоды жизни и в других ракурсах.

Наконец, надо сделать *синтез* обработанного, осмысленного материала из разных источников. Цель — реконструкция жизненного пути, индивидуальности ученого и его концептуальной системы. В заключении психобиографии следует дать общую оценку творчества ученого, обозначить его ранг, масштаб и положение в истории отечественной и мировой психологии, указать на состояние творческого наследия, его востребованность в настоящее время и в перспективе.

Заключение

Биографическое, или психобиографическое, измерение науки вполне правомерно и необходимо для науковедения и истории психологии. В двадцатом веке на стыке возрастной, исторической психологии и гуманитарных дисциплин сложилась биографическая, психобиографическая психология, которая имеет свой понятийный и методический аппарат и насыщенную событиями историю. Есть разные жанры психобиографических продуктов исторического

исследования. Собственно научные биографии в нашей психологической литературе все еще редкость.

Общие методы психологической науки в психобиографическом исследовании имеют свои особенности. Специфичным и даже уникальным здесь является изучение архивных документов и реликвий, свидетельствующих о прошлом. В психобиографических исследованиях обнаруживается закономерная детерминация научной деятельности возрастным фактором. То или иное осознание времени личной жизни в историческом времени, «чувство истории» ученого — современника эпохи и сверстника поколения — является, наряду с осознанием времени собственного жизненного пути, его текущего периода, важным регулятором творческой деятельности.

Психобиографические исследования истории науки предъявляют высокие требования к исследователю, в том числе: наличие фундаментальных общепсихологических знаний, широкой эрудиции, выходящей за пределы собственной науки в сферу культуры и смежных гуманитарных наук, а также личностной зрелости и нравственной чуткости историка⁹.

Список литературы

Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.

Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М.: Наука, 1989. 248 с.

Ананьев Б.Г. О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции советской психологии // Психология. 1931. Т. IV, вып. 3–4. С. 325–344.

Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977. 380 с.

Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968. 339 с.

Ананьев Б.Г., Барсегов А. Современная Армения. Владикавказ: Владикавк. армян. студ. землячество, 1926. 92 с.

Бехтерев В.М. Автобиография. М.: Библиотека «Огонек», 1928. 51 с.

Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М. Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М.: Смысл. 1996. 424 с.

Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984. 209 с.

Кольцова В.А. История психологии: Проблемы методологии. М.: Ин-т психологии РАН, 2008. 511 с.

Кольцова В.А., Холондович Е.Н. Воплощение духовности в личности и творчестве Ф.М. Достоевского. М.: Ин-т психологии РАН, 2013. 304 с.

Коржова Е.Ю. Введение в психологию жизненных ситуаций: учеб. пособие. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2015. 203 с.

Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005. 431 с.

Логинова Н.А. (авт. и сост.) Борис Герасимович Ананьев: Биография. Воспоминания. Материалы. СПб.: СПбГУ, 2006. 376 с.

Логинова Н.А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности. Алматы: Казак университеті, 2001. 172 с.

Логинова Н.А. Становление понятийного аппарата биографической психологии // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: Векторы развития современной психологической науки: материалы VII Всеросс. науч.-практ. конф. (12–14 апреля 2017 г., Санкт-Петербург): в 2 ч. СПб.: РГПУ, 2017. Ч. 1. С. 169–176.

Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 182 с.

Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 3. С. 135–166.

Маслов К.С. В свете незримого: жизнь и судьба А.А. Крогиуса. Таллинн: Изд-во Таллинн. ун-та, 2014. 560 с.

Мясищев В.Н. Выдающийся русский ученый В.М. Бехтерев. М.: Знание, 1953. 32 с.

Мясищев В.Н. В.М. Бехтерев — замечательный ученый, врач, педагог, общественный деятель. Киров, 1956. 40 с.

Обозов Н.Н. Психология человека. От тела к душе. СПб.: Облик, 2001. 408 с.

Платонов К.К. Мои личные встречи на великой дороге жизни (Воспоминания старого психолога). М.: Ин-т психологии РАН, 2005. 310 с.

⁹ Историко-научные исследования, включая встречи и беседы со свидетелями былого, в совокупности стали событием в научном и личностном развитии автора данной статьи. Кроме стремления сделать научное творчество Б.Г. Ананьева более понятным и признанным в России и мире мотивом для меня в течение долгих лет было и остается преклонение перед научным и гражданским подвигом Учителя.

Славская А.Н. Основы психологии

С.Л. Рубинштейна: философское основание развития. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. 344 с.

Степанова Е.И. Становление психологической школы Б.Г. Ананьева: Памятные даты и события. СПб.: Симпозиум, 2003. 215 с.

Ярошевский М.Г. Трехаспектность науки и проблемы научной школы // Ярошевский М.Г. Социально-психологические проблемы науки. М.: Наука, 1973. С. 174–184.

Elms A.C. *Uncovering Lives. The Uneasy Alliance of Biography and Psychology*. NY; Oxford: Oxford University Press, 1994. 328 p.

Loginova N.A. International relations of Leningrad psychologists after the Second World War // 38th Annual Conference of the European Society for the History of the Human Sciences: Book of Abstracts. Budapest: Central European University, 2019. P. 183–185.

Nicholson I.A.M. *Inventing Personality. Gordon Allport and the science of Selfhood*. Washington, DC: American Psychological Association, 2003. 301 p. DOI: <https://doi.org/10.1037/10514-000>

Runyan W.M. *Life Histories and Psychobiography. Exploration in Theory and Method*. NY; Oxford: Oxford University Press, 1982. 304 p.

Получена: 01.02.2022. Принята к публикации: 15.02.2022

References

Abul'khanova-Slavskaya, K.A. (1991). *Strategiya zhizni* [Life strategy]. Moscow: Mysl' Publ., 299 p.

Abul'khanova-Slavskaya, K.A. and Brushlinskiy, A.V. (1989). *Filosofsko-psikhologicheskaya kontsepsiya S.L. Rubinshteyna* [Philosophical and psychological concept of S.L. Rubinstein]. Moscow: Nauka Publ., 248 p.

Anan'ev, B.G. (1931). [On some issues of the Marxist-Leninist reconstruction of Soviet psychology]. *Psikhologiya* [Psychology]. Vol. 4, iss. 3–4, pp. 325–344.

Anan'ev, B.G. (1968). *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an object of cognition]. Leningrad: LSU Publ., 339 p.

Anan'ev, B.G. (1977). *O problemakh sovremenogo chelovekoznaniiya* [About the problems of modern human knowledge]. Moscow: Nauka Publ., 380 p.

Ananiev, B.G., Barsegov, A. (1926). *Sovremennaya Armeniya* [Modern Armenia]. Vladikavkaz: Vladikavkaz Armenian student community Publ., 92 p.

Bekhterev, V.M. (1928). *Avtobiografiya* [Autobiography]. Moscow: «Ogonek» Library Publ., 51 p.

Elms, A.C. (1994). *Uncovering lives. The uneasy alliance of biography and psychology*. New York, Oxford: Oxford University Press, 328 p.

Golovakha, E.I. and Kronik, A.A. (1984). *Psikhologicheskoe vremya lichnosti* [Psychological time of personality]. Kiev: Naukova Dumka Publ., 209 p.

Kol'tsova, V.A. (2008). *Istoriya psikhologii: Problemy metodologii* [History of psychology: Problems of methodology]. Moscow: IP RAS Publ., 511 p.

Kol'tsova, V.A. and Kholondovich, E.N. (2013). *Voploschenie dukhovnosti v lichnosti i tvorchestve F.M. Dostoevskogo* [The incarnation of spirituality in the personality and creativity of F.M. Dostoevsky]. Moscow: IP RAS Publ., 304 p.

Korzhova, E.Yu. (2015). *Vvedenie v psikhologiyu zhiznennykh situatsiy* [Introduction to the psychology of life situations]. St. Petersburg: Society for the Memory of Abbess Taisiya Publ., 203 p.

Leont'ev, A.A., Leont'ev, D.A. and Sokolova, E.E. (2005). *Aleksey Nikolaevich Leont'ev. Deyatelnost', soznanie, lichnost'* [Aleksey Nikolaevich Leontev. Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl Publ., 431 p.

Loginova, N.A. (2001). *Psikhobiograficheskiy metod izucheniya i korrektsii lichnosti* [Psychobiographical method of research and correction of personality]. Almaty: KazNU Publ., 172 p.

Loginova, N.A. (2006). *Boris Gerasimovich Anan'ev: Biografiya. Vospominaniya. Materialy* [Boris Gerasimovich Ananyev: Biography. Memories. Materials]. St. Petersburg: SPbU Publ., 376 p.

Loginova, N.A. (2017). [Formation of the conceptual system of biographical psychology]. *Integrativnyy podkhod k psikhologii cheloveka i sotsial'nomu vzaimodeystviyu lyudey: vektory razvitiya sovremennoy psikhologicheskoy nauki: v 2 ch.* [Integrative approach to human psychology and social interaction of people: Vectors of development of modern science of psychological science: in 2 parts]. St. Petersburg: RGPU, pt. 1, pp. 169–176.

Loginova, N.A. (2019). International relations of Leningrad psychologists after the Second World War. *38th Annual Conference of the European Society for the History of the Human Sciences: Book of Abstracts*. Budapest: Central European University Publ., pp. 183–185.

Luria, A.R. (1982). *Etapy proydennogo puti. Nauchnaya avtobiografiya* [Stages of the completed path. Scientific autobiography]. Moscow: Moscow University Publ., 182 p.

Maslov, K.S. (2014). *V svete nezrimgo: zhizn i sud'ba A.A. Krogiusa* [In the light of the invisible: the

life and fate of A.A. Krogius]. Tallinn: Tallinn University Publ., 560 p.

McAdams, D.P. (2008). [Psychology of life stories]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and History of Psychology]. Vol. 3, iss. 3, pp. 135–166.

Myasishchev, V.N. (1953). *Vydayuschiyssya Russkiy uchenyy V.M. Bekhterev* [Outstanding Russian scientist V.M. Bekhterev]. Moscow: Znaniye, 32 p.

Myasishchev, V.N. (1956). *V.M. Bekhterev — zamchatel'nyy uchenyy, vrach, pedagog, obschestvennyy deyatel'* [V.M. Bekhterev is a remarkable scientist, doctor, teacher, public figure]. Kirov, 40 p.

Nicholson, I.A.M. (2003). *Inventing personality. Gordon Allport and the science of Selfhood*. Washington, DC: American Psychological Association Publ., 301 p. DOI: <https://doi.org/10.1037/10514-000>

Obozov, N.N. (2001). *Psikhologiya Cheloveka. Ot tela k Dushe* [Human's psychology. From body to Soul]. St. Petersburg: Oblik Publ., 408 p.

Platonov, K.K. (2005). *Moi lichnye vstrechi na velikoy doroge zhizni (Vospominaniya starogo psikhologa)* [My personal meetings on the great road of life (Memoirs of an old psychologist)]. Moscow: IP RAS Publ., 310 p.

Runyan, W.K. (1982). *Life histories and psychobiography. Exploration in theory and method*. New York: Oxford University Press, 304 p.

Slavskaya, A.N. (2015). *Osnovy psikhologii S.L. Rubinshteyna: filosofskoe osnovanie razvitiya* [S.L. Rubinstein's fundamentals of psychology: philosophical basis of development]. Moscow: IP RAS Publ., 344 p.

Stepanova, E.I. (2003). *Stanovlenie psikhologicheskoy shkoly B.G. Anan'eva: Pamyatnye daty i sobytiya* [The formation of the psychological school of B.G. Ananiev: Memorable dates and events]. St. Petersburg: Symposium Publ., 215 p.

Vygodskaya, G.L. and Lifanova, T.M. (1996). *Lev Semenovich Vygotskiy. Zhizn'. Deyatelnost'. Shtrikhi k Portretu* [Lev Semenovich Vygotsky. Life. Work. Brush strokes of the portrait]. Moscow: Smysl Publ., 424 p.

Yaroshevskiy, M.G. (1973). [Three-spectrum science and problems of the scientific school]. *Yaroshevskiy M.G. Sotsial'no-psikhologicheskie problemy nauki* [Yaroshevskiy M.G. Socio-psychological problems of science]. Moscow: Nauka Publ., pp. 174–184.

Received: 01.02.2022. Accepted: 15.02.2022

Об авторе

Логина Наталья Анатольевна

доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры психологии развития
и дифференциальной психологии

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: n.loginova@spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3460-3497>
ResearcherID: A-6824-2014

About the author

Natalia A. Loginova

Doctor of Psychology, Professor,
Professor of Department Developmental
Psychology and Differential Psychology

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: n.loginova@spbu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3460-3497>
ResearcherID: A-6824-2014

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Логина Н.А. Биографические исследования истории психологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 38–50. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-38-50

For citation:

Loginova N.A. [Biographical studies in the history of psychology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 1, pp. 38–50 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-38-50